

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Ю. А. Кизилов

Изучение заселения и земледельческого освоения Восточно-Европейской равнины славянами и истории их первых государственных образований нельзя вести без учета природной среды, воздействующей на общество. Это воздействие особенно ощущается на начальных этапах истории. «И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь,— заметил по этому поводу В. И. Ленин,— располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий»¹.

На территории Русской равнины не было гор и морей, но здесь были свои «твердыни природные»² — «непроходимые дебри и леса темные и чащи и дрязги великие и болота непостоянные», игравшие не менее значительную роль в пространственном разобщении государственных образований. На важное значение «злых лесов и болот» как «вековых рубежей городу с городом» указывают летописные своды XII — XVI вв., акты, материалы, агиографическая литература и наблюдательные иностранцы, посещавшие Россию в XV—XVII веках. Такую же разграничительную роль реки, леса и болота играли и в истории романо-германских народов. Это отмечали в своих повествованиях Юлий Цезарь, Страбон и Тацит³. Говоря о свойственном древним германцам обычае «селиться так, чтобы со стороны врага, т. е. всякого чужого народа, их защищали обширные необитаемые леса», Ф. Энгельс указывал, что «этот же самый обычай продолжал сохранять силу вплоть до позднего средневековья. Саксов Нордальбингии защищал от датчан пограничный лес, находившийся между Эйдером и Шлейем (на древнедатском языке — Jarnwidhr), а от славян — саксонский лес, тянувшийся от Кильского залива до Эльбы; славянское название Бранденбурга, Бранибор, опять-таки не что иное, как обозначение такого защитного леса»⁴.

Влияние «природных твердынь» на пределы распространения «русского племени» и формирование его первых государств учитывали в своих работах многие русские историки XIX в. (С. М. Соловьев и др.). Исходя из пространственной обособленности благоприятных для земледельческой оседлости естественногеографических комплексов, построил концепцию «удельно-княжеской Руси» В. О. Ключевский⁵. Роль геогра-

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 74.

² См. Ю. Г. Крижаннич. Политика. М. 1965, стр. 425.

³ Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. Кн. IV, гл. 3, 10, 25; «Древние германцы». М. 1937; Корнелий Тацит. Т. 1. Л. 1970, стр. 360, 366.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 450.

⁵ В. О. Ключевский. Соч. Т. I. М. 1956, стр. 340—356, 360—362.

фического разобщения в консервации хозяйственно-бытовой и политической индивидуальности земель Древней Руси отмечалась также историками начала XX в. (Н. П. Павловым-Сильванским и др.). Влиянию «объективных условий места и времени» немало страниц отведено и в работах Г. В. Плеханова⁶. Данная проблема занимала и советских исследователей, хотя особенно пристальное внимания к себе она и не вызвала. С. Б. Веселовским и М. Н. Тихомировым эта тема рассматривалась в плане истории хозяйственного освоения территории Северо-Восточной Руси; А. Н. Насоновым — в связи с вопросом об образовании территории Древнерусского государства; Б. А. Рыбаковым — при реконструкции микроландшафта русской лесостепи; Л. В. Алексеевым — при реконструкции древних волостей Полоцкой земли. За последние годы интерес к этой проблеме заметно усилился, но многие ее аспекты еще остаются спорными. До сих пор нет сводной работы по истории русского леса, не осуществлено в этом плане критическое переосмысление позитивного наследия дореволюционной историко-географической школы.

Внимание исследователей сосредоточивается в основном на вопросах, связанных с влиянием природных особенностей на планировку и размеры поселений, расположение «рубежей» отдельных земель и пр. «У нас, как мне кажется, существует некоторая боязнь географического фактора, — подчеркивал в связи с этим акад. Б. А. Рыбаков, — его значение в теоретическом плане надо как-то переосмыслить, потому что эта боязнь может явиться серьезной помехой в нашей работе. Применительно к XX в. географический фактор учитывается достаточно хорошо и полно, но как только мы обращаемся к более ранним эпохам, начинается эта робость, опасение обвинений в переоценке географического фактора. Хотя на самом деле отрыв от географического фактора — это отход от реализма, изучение общества вне той среды, которая влияла на его формирование. Чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора»⁷.

Целью настоящей статьи является выяснение некоторых конкретных аспектов влияния природной среды на процесс почкования политических образований с «более слабым аппаратом связи». Вопрос этот едва ли может быть разрешен в рамках одной статьи, поэтому придется в ряде случаев удовлетвориться лишь суммой выводов, наблюдений и рабочих гипотез, отдельные из которых (например, проблема русского леса) имеют прочную историографическую традицию.

Влияние лесных массивов на социальное развитие русских земель, к сожалению, до сих пор остается все еще слабо изученным. Значительная заделанность Русской равнины в регионах непрерывной исторической культуры, чрезвычайная разбросанность пригодных для земледельческой оседлости комплексов «полей земли», их естественная изолированность «старыми лесами»⁸ и болотами «зело непроходимыми» сказывались на многих сторонах жизни их обитателей. «Непроходимые дебри и леса темные» дольше всего удерживались на ее водоразделах, в большинстве своем покрытых торфяниковыми и глинистыми почвами или боровыми песками, малопригодными под пашню. Их одинаково обходили поселенцы как на севере, так и на юге. На севере — из-за слишком высокого уровня водного режима и обилия кислот, вредно действующих на луговые и злаковые растения, на юге — из-за их чрезмерной сухости. Население здесь сплошь оседало вдоль рек и их прито-

⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. Т. 1. М. 1918, стр. 1—2, 62—64, 73—74, 82.

⁷ См. «История и социология». М. 1964, стр. 59.

⁸ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.» Т. 1. М. 1952, стр. 321, 323, 530; т. 2. М. 1958, стр. 199; т. 3. М. 1964, стр. 174, 177.

ков. Лишь в средней зоне эти неудобства взаимно сглаживались, но и здесь скопление населения вначале происходило в наиболее благоприятных для хозяйственного освоения местах — вдоль рек и их притоков и только позднее, в процессе внутренней колонизации, вышло на водоразделы⁹.

Эти равнинные образования, отграниченные от соседних ландшафтов поймами рек и палеорек, отличаются благоприятными климатическими условиями и мягкостью форм рельефа, определившими сравнительно обширные массивы «полей» с их луго-болотной растительностью и хорошо увлажненными слабокислыми почвами «черного облика». Возникновение их почвенного покрова связано в большинстве случаев с отложениями наносов ледниковых рек в пригляционных областях во время таяния гигантского ледника¹⁰, что позволяет, учитывая новейшие тектонические движения, прямо по ним реконструировать границы древних волостей. Топор и коса земледельца долгое время не выходили за пределы таких гидрогенных образований, так что территории многих волостей, а подчас и княжеств средневековой Руси являлись территориями «полей» или приречных террас и пойм.

На карте европейской части страны эти территории тянутся несколькими пространственно разбросанными гнездами от ее западных границ до Приуралья; каждое из них послужило географическим основанием для особой системы княжеств. В историческом развитии России эти ополья, особенно ополья ее центра — Трубчевское, Стародубское, Почепское, Брянское, Смоленско-Починковское, Мещовское, Тарусское, Подольско-Коломенское, Юрьевское, Владимирское, Суздальское и др., — сыграли особую роль. В условиях полного запустения лесостепного региона к ним переходит значение ведущих земледельческих районов, сюда перемещается политический центр Руси, а их средоточия — города Трубчевск, Стародуб, Брянск, Смоленск, Мещовск, Бронницы, Коломна, Юрьев-Польский, Владимир, Суздаль — вносят свой вклад в формирование единого Русского государства.

Между этими опольями лежали громадные пространства слабо заселенных, а то и совсем «пустых земель», в которых «не бе... тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них»¹¹. В этих условиях основная связь «городу с городом» могла осуществляться только по рекам. По ним и их притокам направлялась славянская колонизация в земли балтов и урро-финнов. По названиям рек «прозвашася» и первые политические образования восточного славянства¹². Связь по рекам и разграниченность их водоразделами оставались характерной чертой государственных образований и в последующие века¹³. Территории Великого княжества Литовского, «Господина Великого Новгорода» и «Московского царства» довольно точно согласуются со сложными разветвлениями бассейнов Днепра с Западной Двиной, речной системой Ильменского бассейна и Волги с Окой. Водоразделы этих бассейнов, покрытые на громадном пространстве «злыми лесами и болотами»¹⁴, оставались долго не заселенными. «От века непаханные», они продолжительное время служили «вековыми рубежами» земель и их более обшир-

⁹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Город и деревня в Европейской России. «Записки Русского географического общества». Т. X, вып. 2. СПб. 1910, стр. 10—17.

¹⁰ А. Н. Тюрюканов, Т. Л. Быстрицкая. Ополья Центральной России и их почвы. М. 1971.

¹¹ «Житие» Сергия Радонежского. СПб. 1885, стр. 4.

¹² В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Антропogeография Центральной промышленной области. Л. 1924, стр. 5—6; П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л. 1970; ПВЛ. Ч. 1. М.—Л. 1950, стр. 11, 13, 15.

¹³ В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Тт. I—II. СПб. 1901—1902.

¹⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л. 1950, стр. 355; Н. М. Карамзин. Соч. Т. IV, прим. 223.

ных политических систем и, несомненно, содействовали консервации их хозяйственно-бытовой и политической индивидуальности.

Особенно прочными естественными рубежами отделялись владения Новгорода Великого. От земель Северо-Восточной Руси его отграничивали обширные пространства заболоченных лесов, занимавших водоразделы рек Ильменского бассейна и верхних притоков Волги — Тверцы, Медведицы и Мологи с Чагодошей. Сквозь дебри этой заболоченной тайги к Новгороду Великому вел один путь — от верхних притоков Волги на Мсту, но и был «бьяше лют» по своей проходимости. От Полоцкой и Смоленской земель его отделял не менее обширный и дикий Оковский, или Волконский, лес, занимавший в своей северной части все пространство бассейнов Волги, Ловати, Западной Двины и Днепра¹⁵. Вплоть до позднего средневековья здесь не замечалось сколько-нибудь значительной концентрации населения¹⁶. Устойчивой «твердью» отделялся Новгород Великий и от западных государств.

Таковыми же «твердынями природными» обособлялись и земли Северо-Восточной Руси. С востока их отделяла полоса дремучих лесов по рекам Унже и Ветлуге (остатки которых сохранились и теперь). Их продолжением на севере являлась заволжская тайга, а на северо-западе — «злые леса и болота» верхних притоков Волги, в которых погубил свою рать тверской князь Михаил Ярославич, собираясь в поход на новгородцев. Спустя полтора века вопрос «пойти ли ныне на них или не пойти» ставил перед собором епископов, воевод и бояр и Иван III. «Поне же летнее время уже,— поясняет его сомнения летописец,— а земля их многи воды имать около себя и озера великие и реки и болота многи и зело непроходимы, а прежний велиции князи о то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многи истерял»¹⁷.

Западной границей Северо-Восточной Руси служили восточные отроги упомянутого Оковского леса, продолжением которого на юге являлись дебри Болдыжа и Дебрянского леса. Они-то и дали опольям русского Северо-Востока название «Залесские земли». Единственная дорога, пролежавшая сквозь эти дремучие леса от Москвы до Смоленска, шла «по страшной дичи и глуши». Б. Таннер насчитал на ней 533 гати, «из коих некоторые были в 5, даже в 6 верст»¹⁸. Да и сами западные волости Северо-Восточной Руси были покрыты сплошными лесами. На юге ее замыкала обширная полоса Окско-Клязьминских лесов с их восточными продолжениями — Мокшанскими и Муромскими лесами. Эти леса и в XIX в. были еще слабо освоены человеком из-за своей заболоченности или почвенного покрова, состоявшего из подзолистых супесей или песчаных почв¹⁹.

Таковыми же вкраплениями в громадные массивы лессовидных суглинков, поросших дебрями «ужасных лесов», кажется и Смоленско-Починковское ополье с примыкающими к нему островами пойменных образований верхнего Поднепровья. С севера и востока их окаймляли дремучие дебри Оковского и Брянского лесов, смыкавшихся на юге с лесами бассейнов Десны и Сожа. На западе их замыкала не менее обширная полоса «ужасных лесов и глубоких топей», занимавших бассейны и междуречья Друти, Березины и Днепра²⁰. Эти леса разделяли волости смоленских отчий и «Рогволодовых внуков». Перемежаясь на севере с огромными озерами и непроходимыми болотами, эти леса огромной

¹⁵ «Россия». Т. III. СПб. 1910, стр. 46—58.

¹⁶ В. В. Седов. Кривичи. «Советская археология», 1960, № 1, стр. 58—62.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 286; т. XII, стр. 129, 133.

¹⁸ Б. Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М. 1891, стр. 109—117.

¹⁹ «Географическо-статистический словарь Российской империи». Т. I—V. СПб. 1865—1885; т. IV, стр. 372.

²⁰ И. И. Орловский. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск. 1908; Б. Таннер. Указ. соч., стр. 109—117.

дугой по Десне, верхней Вилии и правому берегу верхнего Немана спускались к югу, обособляя Полоцкую землю от Смоленской, Новгородской, Литовской и Летьголы²¹. Пинские болота и северные отроги Пинского полесья отделяли полоцкие волости от турово-пинских, имевших тесное общение через Припять только с Южной Русью.

Пинские леса вместе с делями Беловежской пущи и Волинским полесьем замыкали с севера волости Галицко-Волинской земли. От Киевской земли их отделяли деляи Чертова леса, а от Польши и Венгрии — Мазовецкая пуща и обширная цепь лесов, тянувшаяся по Вепрю, Западному Бугу, Сану и Вислоку. Юго-западная граница пролегла по Карпатским горам, где не было ни русских, ни венгерских селений²².

Судьбы исторического развития таких пространственно отграниченных естественногеографических комплексов складывались по-разному, но до конца позднего средневековья в их рамках не видно сплошных заселенных территорий. Даже лучше других освоенное и заселенное Волго-Окское междуречье в XVI в. с высоты птичьего полета было похоже на леопардову шкуру, на которой фоном был лес, а сгустки основных поселений — пятнами различной величины и формы²³. Так выглядели и верхнеднепровские волости, а также многочисленные поселения Белорусского полесья, казавшиеся в XVII в. вместе с прилегающими к ним «полями» небольшими оазисами среди моря пущ, лесов и болот²⁴.

Неравномерность заселения этих комплексов зависела не только от чисто исторических условий, но и от природных возможностей осваиваемых местностей. Продвигаясь по бассейнам рек и их притоков, люди оседали в наиболее благоприятных для хозяйственного освоения «полях», между которыми лежали большие пространства слабо заселенных земель. Это создавало известные трудности для образования сплошных заселенных территорий и формирования на этой основе хозяйственной и этнической общности даже внутри пространственно обособленных естественногеографических комплексов. Успехи экономического роста располагавшихся по ним земель и волостей во многом зависели не только от природных возможностей и исторических выгод (близость к мировым коммуникациям, хорошая естественная защита и т. п.), но подчас и от размеров пригодных к распашке «полей», ибо только на сравнительно обширных массивах возможен был тот минимум концентрации населения, без которого затруднялось общественное разделение труда и утверждение на его основе зрелых форм феодальной экономики.

Наиболее значительные массивы таких «полей» лежали в лесостепной полосе, особенно в ее Приднепровском регионе, где они чередовались с обширными полосами дубрав, защищавших оседавшее здесь население как от суровых северных ветров, так и от кочевников²⁵. Эти «поля» рано заселяются славянами. Сюда прокладываются и линии «международного транзита»²⁶. В сочетании с благоприятными для того времени историческими возможностями эти факторы ставят «Русскую землю» по уровню социально-экономического развития далеко впереди других земель. В «Русской земле» раньше, чем в других районах Восточной Европы, утверждаются развитые формы феодальной эконо-

²¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М. 1892. Приложение, стр. XCV—XCVI.

²² М. К. Любавский. Историческая география России в связи с колонизацией. М. 1909, стр. 45, 62, 84—85.

²³ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М. 1936, стр. 26—28, 83—96, 108, 112.

²⁴ З. Ю. Копыцкий. Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVII вв.). Минск. 1936, стр. 24.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования Древнерусского государства. «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М. 1958, стр. 755—771.

²⁶ И. П. Русанова. Курганы полян. «Свод археологических источников». Вып. EI—24. М. 1966, стр. 25—27.

мики и прослеживаются связанные с ними процессы политической децентрализации²⁷. Перед Южной Русью открывались весьма благоприятные перспективы. Однако внешнеполитические перемены, происшедшие в XII—XIII вв., помешали этому. Перегруппировка торговых коммуникаций, усиление феодального гнета наряду с княжескими усобицами и половецкими набегами вызывают сначала отлив населения в другие районы, а потом хозяйственное запустение «Русской земли». Нашествие Батыя и последовавшее за ним монголо-татарское иго превращают ее в одну из провинций «Дикого поля».

Результаты влияния географического и внешнеполитического факторов ясно прослеживаются и в развитии «страны Восточной и до Муром». Основные ступки ее селений в период раннего средневековья располагались вдоль лесистых берегов Оки. Здесь же стояли и основные города — Муром, Рязань, Переяславль, Коломна, Пронск и др.²⁸ За илистыми берегами Оки тянулись значительные острова песчано-глинистой и серой почвы, переходившей несколько южнее в сплошной чернозем. Но селения образовывались здесь только под прикрытием лесных массивов, спускавшихся от Окско-Клязьминских лесов значительными рукавами вдоль Дона и его притоков. Эта «Восточная страна», как и Южная Русь, располагала благоприятными естественногеографическими условиями, и ее города при других исторических обстоятельствах могли бы стать серьезной силой на русском Северо-Востоке. Но близкое соседство «Дикого поля» и вековая борьба с кочевниками, осложнявшаяся острыми конфликтами с владимирскими князьями, не способствовали этому. Попытка организовать общерусский политический центр не увенчалась успехом и в этом углу черноземной лесостепной полосы²⁹, как и в ее западной части. Феодальные центры Юго-Западной Руси не стали ядром восточнославянского мира во время чрезвычайного упадка его политических и национальных связей в период «злой татарщины». Раздираемые внутренними противоречиями, они сами стали добычей более сильных западных государств — Литвы, Польши и Венгрии.

Значительно лучшие внешнеполитические условия по сравнению с лесостепной зоной Восточно-европейской равнины имел северный, Озерный край, центром которого в средние века бесменно выступал «Господин Великий Новгород». Его близкие и далекие «власти», отграниченные от других княжеств Руси трудноодолимыми рубежами «природных твердынь», почти не испытывали в средние века иного политического давления, чем то, которое исходило от корпоративного центра новгородского боярства. Их территория была меньше других «испромышленной» и освоенной человеком. Еще в XVII в. у самого Новгорода охотились на диких кабанов и лосей. Югра и Печера изобиловали пушным зверем, шкуры долгое время служили своеобразным валютным материалом; реки и озера были переполнены ценными породами рыб; Ижорская и Водская земли, Олонецкий край и Бежицкий Верх изобиловали постоянно возобновлявшимися источниками мягкоплавких болотных руд, а у Старой Руссы и по берегам Белого моря ключами выходили на поверхность земли богатые залежи поваренной соли.

Все это не могло не способствовать быстрому подъему политического центра этого северного края. Расположенный на стыке различных естественногеографических зон, в центре пересечения важнейших торговых дорог, Новгород Великий за сравнительно короткий срок стал городом мирового значения. Особенностью Новгородской земли было отсутствие на ее территории городов — соперников ее политическому центру, которые могли бы «потягаться» со своим «господином» за корпо-

²⁷ А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 47—68.

²⁸ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. Л. 1961, стр. 147—148 (рис. 47).

²⁹ Там же, стр. 337—343, 355—358.

ративную автономию и «своего» князя. Эта особенность находит объяснение и в своеобразных естественногеографических условиях Озерного края: политическое ядро его составляла группа славянских поселков, расположенная в северо-западном и северном Приильменье; другого, более обширного массива земли, способного удержать на себе такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения, Новгородская земля практически не знала. Исключая два или три других места в низовьях рек Великой, Полисти и Волхова, остальные пункты оседлости были незначительными по своим размерам и ограничивались преимущественно небольшими приречными приподнятиями моренного происхождения, на которых можно было поставить один, два, от силы три крестьянских двора³⁰. За эти приподнятия поселки новгородских земледельцев обычно не выходили, как не проникали они и в покрытые лесами междуречья. «Вследствие частых болот, лесов и отовсюду стекающих рек эти местности не возделаны,— писал С. Герберштейн,— и не имеют никаких городов»³¹. Посевы гибли даже в более благоприятных районах со слабокислыми, менее заболоченными почвами от ранних заморозков или чрезмерного обилия влаги³². Следствием таких специфических естественногеографических условий Севера являлись широкое распространение принудительной эмиграции (периодическое устройство колоний), сложение коренных территориальных единиц земли по рекам, гипертрофированный рост феодальной экономики вширь и связанная с ним ее незавершенность, а также исторически устойчивое преобладание густонаселенного и развитого приильменского центра над его «властями».

Устойчивому преобладанию приильменского центра над тянувшими к нему волостями и пригородами не препятствовали и внешнеполитические обстоятельства. За всю историю своей самостоятельности Новгород Великий не претерпел ни одного разрушения, подобно тем, которые испытывали в татарское лихолетье феодальные центры русского Северо-Востока, часто уступавшие после таких разрушений политическую гегемонию уцелевшим городам. Указанные факторы, создавая исключительные условия для роста феодальной экономики в самом центре Новгородской земли, консервировали ее раннефеодальные формы по малодворным деревушкам сотен (волостей) и земель (колоний). Прогрессивные формы общественного разделения труда, затрагивавшие коренное Приильменье, практически не распространялись на периферию, олицетворявшую собой классический образец средневековой рутинности. В числе сохранившихся архаических институтов древности стоит и своеобразная структура новгородского боярского землевладения. Новгородское боярство в силу специфических естественногеографических условий не знало других центров консолидации (исключая новгородский и псковский) и за пределы своего корпоративного замка, каким был для него Новгород Великий, так и не вышло. Отсюда оно управляло через зависимых холопов-приказчиков своими разбросанными по всем «властям» вотчинами, сдерживая по ним и развитие местного землевладельческого боярства и проявления сепаратизма³³.

Географический фактор, обеспечивая исключительные возможности для роста вширь (на север и северо-восток) новгородских волостей,

³⁰ А. Е. Воейков. Людность селений Европейской России и Западной Сибири. «Известия Русского географического общества». Т. 45, вып. 1—3. 1909; В. О. Ключевский. Соч. Т. I. М. 1956, стр. 309.

³¹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб. 1908, стр. 123.

³² «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 31, 39, 54, 67, 69, 80, 91.

³³ С. В. Рождественский. Двинские бояре и двинское хозяйство в XIV—XVI вв. «Известия» АН СССР. Серия VII. Отд. гуманитарных наук. 1929, стр. 55—56; В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской республики. «История СССР», 1970, № 1.

вместе с тем тормозил темпы вызревания развитой феодальной экономики в новгородских провинциях, создавая особо благоприятные условия для сохранения здесь дофеодальных и раннефеодальных форм эксплуатации и политических отношений³⁴. Это особенно хорошо прослеживается в сфере взаимных отношений этих провинций со своим центром — городом-сюзереном. Даже наиболее значительные из них, например, Двинская земля, принимавшая весьма заметное участие во внешне- и внутривластной жизни Новгорода Великого, открытую тенденцию к обособлению проявили лишь в самом конце XIV в., когда в других, более развитых регионах Восточной Европы процесс кристаллизации самостоятельности отдельных земель и княжеств уже проходил свою заключительную стадию. Но и ее попытка «отложиться» от всемогущего «господина», во многом инспирированная московским боярством, не увенчалась успехом³⁵.

Держать волости в полном подчинении для новгородского боярства не составляло большого труда. «Можно сказать,— писал по этому поводу С. Ф. Платонов,— что в пустынной, слабо заселенной Новгородской стране эти два или три города (если считать Старую Руссу) убили все другие поселки городского типа и оттянули к себе все нити экономической жизни своего государства, а вместе с ними и административно-политическое руководство всем новгородским обществом. В то время как Новгород и Псков имели каждый около 6 тыс. или 7 тыс. дворов, а Старая Русса — около 1 600 дворов, прочие городские поселки не достигали даже 300 дворов и имели значение не рынков, а крепостей, направленных на «немцев» или «литву». Таким образом, в Новгородской земле «произошла чрезвычайная централизация общественных сил, и «Господин Великий Новгород» был на самом деле «господином» над своей громадной, но пустынной страной»³⁶. Впрочем, последняя особенность не составляла исключения, присущего только Новгороду Великому. Такова была природа и многих других средневековых городов. Из новгородских волостей лишь Пскову удалось подняться до положения суверенного государства. Но этот город, войдя в состав новгородского политического единства еще на заре его истории, не утрачивал своей самостоятельности вплоть до официального политического разрыва со своим «старейшим братом» в 1348 году. Успехи Псковской феодальной республики на пути превращения ее в суверенное государство не мыслятся вне мощного подъема различных сфер ее экономики, что в определенной мере связано и с такими факторами, как наличие у Псковского озера больших массивов плодородной иловатой земли.

Концентрация крупных новгородских землевладельцев-бояр в одном политическом центре значительно облегчала задачи их внутренней консолидации, что сказалось и на раннем ограничении института личного бесподданства новгородского боярства и в организации олигархических форм власти³⁷. На фоне внешнеполитических успехов Новгорода Великого эти внутривластные шаги выглядят особенно внушительно. И все же в столкновении с «Московским царством» новгородское боярство терпит поражение. Исследования В. Н. Бернадского и В. Л. Янина довольно подробно раскрывают, как подтачивались изнутри могучие силы этого северного «господина»³⁸. Однако ряд вопросов истории его падения продолжает оставаться спорным. Те же

³⁴ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л. 1961, стр. 28, 29, 47.

³⁵ См. подробнее: С. В. Рождественский. Указ. соч., стр. 56 и сл.

³⁶ С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера. Обелиск, 1924, стр. 8; Ср. В. Л. Янин. Новгородские посадники. М. 1962, стр. 357.

³⁷ См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.-Л. 1950, стр. 26—27; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 333—338.

³⁸ В. Н. Бернадский. Указ. соч., стр. 278—279, 354—355; В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 369—370.

социальные противоречия, которые расшатывали механизм новгородской государственности изнутри, в не меньшей мере действовали и на русском Северо-Востоке. Но там существовали другие естественногеографические и этнические условия, значительно облегчившие борьбу московского боярско-княжеского блока за «собрание» разрозненных земель и княжеств северо-востока.

В процессе производственного освоения трудовым населением всего пространства Волго-Окского междуречья постепенно созревали возможности для консолидации его разрозненных группировок в единую народность и относительно единое хозяйственное целое, что в конечном итоге и обеспечило будущую прочность и устойчивость складывающегося Русского государства. На новгородском севере подобные процессы не могли иметь места. Сгустки селений здешнего славянского и финно-угорского населения, разбросанные среди дремучих и топких лесов, в которых «от создания мира никто же от человек живяше»³⁹, было нетрудно подчинить власти боярского корпоративного центра, но слиться в относительно единое хозяйственное, а тем более этническое целое они не могли ни в XIV—XV вв., ни значительно позднее. Максимально централизовав свои силы, насколько это было возможно в условиях развитого феодализма, новгородское боярство, однако, оказалось не в состоянии соединить более прочными связями с Новгородом Великим зависимую разноэтническую окраину. Те же историко-географические условия, которые прежде вели к упрочению его аристократического суверенитета, в пору наступления московского княжеско-боярского блока на его иммунитет, подрывали этот суверенитет.

В XV в. Новгородская земля оставалась крупнейшим государством Восточной Европы, но она была этнически и хозяйственно разобщенной в то время, когда на остальной территории Европы происходил процесс формирования единых государств. Этим объясняются роль Новгорода Великого как основной силы, противостоявшей объединительной политике северо-восточных князей, а также те суровые репрессивные меры, которые предприняло правительство Ивана III в отношении новгородских бояр как «изменников христианству» и «отступников латинству»⁴⁰.

Значительно активнее шло развитие зрелой феодальной экономики и сопутствовавших ей политических форм в землях и княжествах средней полосы Восточной Европы. Ряд наблюдений позволяет высказать предположение, что первые страницы истории их политической самостоятельности, как и в Новгороде Великом, были связаны с концентрацией «старейшего» боярства в главном, «старшем» городе земли — Полоцке — на западе Руси, Смоленске — на верхнем Днепре и в Ростове — на русском Северо-Востоке. Но исторические условия в сочетании с благоприятными естественногеографическими сравнительно рано приводят здесь к изживанию архаической стадии, связанной с дофеодальными и раннефеодальными формами эксплуатации населения. Оно в этой полосе Восточно-Европейской равнины в основном оседало по приречным и приозерным приподнятиям, но число и размеры последних значительно превосходили сухие косогоры северной полосы. Кроме того, под поселения здесь использовались и обширные пространства внутренних водоразделов, хорошо орошаемые грунтовыми и почвенными водами. Они были рано освоены, освобождены от мелколесья и засеяны «житом». По плодородию почвы и комплексу историко-географических возможностей эти среднерусские оазисы — «ополья» мало отличались друг от

³⁹ «Житие» Антония Сийского. ОР ГБЛ, Троицкое собр., № 694, лл. 22, 29, 37.

⁴⁰ А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М. 1914, стр. LVI—LVII; В. И. Лепко. Социально-политическая борьба в Великом Новгороде в 1477—1478 гг. «Ученые записки» Вологодского педагогического института. Т. IX. 1951.

друга⁴¹. Поэтому здесь рано рядом со «старшим» очагом концентрации населения и его «старейшим» политическим центром-городом появляются «новые», или «мезиннии», как их именовали на русском Северо-Востоке, города. Концентрация населения по этим «новым» очагам сгущения земледельческой оседлости и успехи в развитии земледельческой техники вели к росту общественного разделения труда, развитию ремесла и торговли, развитию феодализма⁴². Эти успехи уже в XI—XII вв. в отдельных регионах Руси вызывают децентрализацию территориальной и политической структуры земель-княжений.

Раньше других — почти одновременно с аналогичными явлениями в «Русской земле» — переживает процесс феодальной децентрализации Полоцкая земля. Благоприятные естественные географические возможности, хорошая естественная защита и значительная удаленность от опасного соседства с воинственными кочевниками юга в сочетании с выгодами от важнейших дорог торгового транзита способствовали быстрому подъему полоцких городов — Полоцка, Минска, Витебска, Новогрудка и др.⁴³. Быстрый прогресс земледелия и ремесла, развитие феодализма уже в XI в. ставят полоцкие города впереди других городов лесной полосы Восточно-Европейской равнины и обеспечивают в конечном счете Рогволодовичам успех в неравной борьбе с южнорусскими князьями. Их договоры с последними уже со времен Ярослава Мудрого не укладываются в рамки обычного соглашения о вассалитете, производя впечатление договорных обязательств между князьями одного ранга. Полуторавековая вражда «Рогволодовых внуков» «противу Ярославим внуком»⁴⁴, питавшаяся противоречиями из-за дани с дреговичей и борьбой за ключевые позиции международного транзита на витебско-усвятском участке, стоила невероятно дорого для обеих сторон и особенно для Полоцкой земли. Южнорусские князья не раз подвергали ее города неслыханным разорениям, что не могло не вести к упадку их значения как связующих сил земли и княжеской власти. Из последней войны с Мстиславом Великим они выходят разоренными и ослабленными настолько, что оказываются не в состоянии противостоять экспансии литовских князей, усилившейся в пору упадка великокняжеской власти «старейшин» земли Русской, и один за другим присоединяются к Великому княжеству Литовскому.

Внутренняя и внешняя разобщенность феодальных центров Полоцкой земли оставалась существенным моментом их политической жизни и в более поздний период. Среди причин, питавших и поддерживавших силы земского партикуляризма и тормозивших развитие сил и тенденций политического единства, немаловажное значение принадлежало географическому фактору. Размещение полоцких кривичей, так же как и других этнических групп восточного славянства, было до известной степени продиктовано самой природой. Удобные под земледельческую оседлость местности — по верхней Двине и ее притокам, по верховьям Березины и Свислочи, в верховьях Друти, по правому берегу Немана и его притокам — разграничивались между собой подчас сотнями километров непроходимых лесов, пущ и болот, что с самого начала не только разобщило осевшее здесь население на обособленные внутренние четыре группировки волостей, но и, несомненно, благоприят-

⁴¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Город и деревня в Европейской России, стр. 10—27; его же. Антропогеография Центральной промышленной области, стр. 5—7; А. Н. Тюрюканов, Т. Л. Быстрицкая. Указ. соч., стр. 222—229.

⁴² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 9—64.

⁴³ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М. 1926, стр. 83—191; Г. В. Штыхов. Полоцк и Витебск IX—XIII вв. в свете археологических исследований. «Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве». М. 1956, стр. 45—48; Ф. Д. Гуревич. Древний Новогрудок. Там же, стр. 45—48.

⁴⁴ ПСРЛ, Т. 1, вып. 2. Л. 1927, стр. 301.

ствовало длительному сохранению общественно-бытовой и политической индивидуальности этих группировок⁴⁵. Полоцкие города и в XVI—XVII вв. «выглядели одиночными точками, редкими оазисами среди обширных пространств, над которыми властвовала глухомань густых, порой непроходимых лесов... и болот»⁴⁶.

В такой же мере географическая разобщенность сказалась и на феодальном развитии волостей Смоленской земли. Здесь не замечается тех внешних потрясений, которые испытывали на заре своей самостоятельности полоцкие города или, например, княжества русского Северо-Востока в тяжелую годину «злой татарщины». И все же Смоленская земля не стала центром складывавшегося единого Русского государства. Причина этого заключалась не только в том, что она и в пору образования феодальных централизованных государств оказалась зажатой со всех сторон более сильными противниками, но и в том, что она не располагала тем комплексом естественногеографических и исторических предпосылок, которые могли бы способствовать превращению этого уцелевшего в «злую татарщину» княжества в ядро складывавшегося единого Русского государства. В средневековый период с его классическими формами обособленности больших и малых королевств, охранявшейся сложной системой союзов, объединение того или иного региона начиналось, как правило, с кристаллизации его этнического и политического ядра, определявшего в условиях чрезвычайной неустойчивости и путаницы национальных и политических связей природу последующего роста сил и тенденций политического единства. С образования такого ядра «пошла» в IX в. «Русская земля», сделавшаяся потом носителем и проводником раннефеодального единства восточнославянских народов в рамках Киевской Руси⁴⁷. Образование такого ядра в XIV в. на русском Северо-Востоке в значительной мере определило природу формирования единого Русского государства⁴⁸. С кристаллизации таких преобладающих в своем регионе ядер начиналось образование централизованных государств и на территории остальной Европы.

Историко-географические предпосылки этого верхнеднепровского региона были таковы, что здесь ни в половине XIII в., ни столетие спустя, когда на северо-востоке уже определились пути развития единого Русского государства, не могло сложиться устойчивое политическое ядро, способное силой своего влияния выйти за «рубежи» собственно Смоленской земли. Главные ступки ее селений располагались в пределах различных речных систем — по верхней Волге и Днепру с их притоками, по Западной Двине и Торопе, по Москве и Угре, по верхнему Сожу и верхней Десне — и отделялись от основного Смоленско-Логинковского массива оседлости самыми значительными и труднопроходимыми лесами средней полосы Восточной Европы⁴⁹. Других удобных для земледельческой оседлости мест Смоленская земля не знала. Даже сами «плодоносные холмы» смоленской округи со всех сторон были окружены «обширнейшими лесами, из которых в большом количестве добываются различные меха»⁵⁰. Эта гидрографическая разобщенность во многом определяла слабость политических связей центра и периферии,

⁴⁵ См. карту Л. В. Алексеева «Волости-уделы Полоцкой земли (реконструкция)». Л. В. Алексеев. Указ. соч., рис. 12; М. К. Любавский и. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. ХСVI.

⁴⁶ З. Ю. Копытский. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 28—68.

⁴⁸ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л. 1929, стр. 2, 47—80.

⁴⁹ А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X — первой половины XIII в. Карта и указатель. «Очерки по истории русской деревни. X—XIII вв.». «Труды» ГИМ. Вып. 32. М. 1956.

⁵⁰ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 111—112.

сковывала активную деятельность смоленских отчичей по собиранию «дедних» волостей. В этих условиях им приходилось больше думать о сбережении «отчего» наследия, чем «промысливать» о чужом.

Большинство политических центров смоленских волостей располагалось у ключевых позиций международного торгового транзита «из варяг в греки» или из тех же «варяг» в Поволжье и Среднюю Азию. Разгром монголо-татарами Средней Азии, Поволжья, Южной Руси и богатых городов русского Северо-Востока привел к быстрому упадку этих линий международного транзита, что серьезно отразилось и на экономических связях Смоленска с периферией. Ее восточная окраина — княжества Можайское, Фоминское, Березуйское, Ржевское, — отдаленная от политического центра Смоленской земли громадными пространствами лесов и болот (Волконский лес, по сообщениям С. Герберштейна, начинался в нескольких милях к западу от Ржева⁵¹), уже в начале XIV в. разделяется между западными княжествами русского Северо-Востока. Такую же участь разделили и другие волости-княжения Смоленской земли — Бельское, Торопецкое, Мстиславское, Вяземское и др., — захваченные во второй половине XIV в. поднимающейся Литвой. Эти волости и в XIX в. относились к числу наиболее лесистых и болотистых. В Российском атласе 1745 г. их границы очерчены лесом, а на европейских картах XVII в. отдельные из них вообще не обозначены. Особенной залесенностью отличались северные районы Смоленщины. «Княжество Бела с крепостью и городом того же имени», расположенное «при реке Обше, в обширнейших лесах»⁵², из-за своей недоступности даже в начале XX в. именовалось Бельской Сибирью. Такой же недоступностью отличались и южные волости, в особенности район верхнего Осетра, Десны и Хмары, именовавшийся по той же причине «Америкой»⁵³.

Лесные пуши и заросли, пролежавшие между населенными местами Смоленской земли, несомненно, препятствовали их объединению с густонаселенным центральным районом, консервируя исторически сложившуюся общественно-бытовую и политическую индивидуальность. Впрочем, если бы естественноисторические предпосылки и благоприятствовали их консолидации со «старейшим» городом, это вряд ли повлияло бы на сложившееся соотношение сил. Кроме относительно плодородного и хорошо населенного пространства Вяземского удельного княжества, на территории которого в XVI в. располагалось около 1500 селений с 5 тыс. дворов, прочие места сгущения земледельческого населения были незначительных размеров, и их удельный вес в политической жизни Восточной Европы остался практически очень малым. Острова «лядинных» почв, на которых они располагались, терялись среди обширных массивов лесного подзола (как на юге Смоленской земли), на который не действуют никакие удобрения, или трудных для обработки глинистых почв, ссыхающихся летом после дождя до того, что через них невозможно пробиться ростку⁵⁴.

Значительно лучшие естественногеографические условия были на русском Северо-Востоке. Волга своим течением разделяет этот район на две половины, резко различающиеся по своему характеру. Северная часть, Заволжье, географическими особенностями во многом напоминает Озерный край, и по тем же причинам отсюда не «пошло» Российское государство, хотя в «злую татарщину» Заволжье и было в более выгодном пространственном положении по сравнению с коренной Ве-

⁵¹ Там же, стр. 113.

⁵² Там же, стр. 113, 112.

⁵³ И. И. Орловский. Указ. соч., стр. 5—14.

⁵⁴ И. И. Орловский. Указ. соч., стр. 13—15; А. В. Костюкевич. Почвенный покров Смоленской губернии. Смоленск. 1925; П. А. Кучинский. Почвы Смоленской области и способы повышения их плодородия. Смоленск. 1950.

ликороссией, служившей основной зоной «татарских находжений». «Вся эта страна,— писал о Заволжье П. Иовий,— орошается великими и частыми реками, которые переполняются, когда снега от значительной солнечной теплоты начинают сходить и лед повсюду начинает таять; через это равнины повсюду превращаются в болота, и все дороги покрываются стоячими водами и илистой грязью до тех пор, пока новая зима не скует своей благодетельной силой разлившиеся реки и самые болота»⁵⁵. В этих местах не было городов⁵⁶. Эти области и позднее оставались такими же. Из 33 районов сгущения населения, имевшихся на северо-востоке в XIX в., на Заволжье приходится только 6, да и те концентрируются вдоль Волги, при впадении в нее северных рек, то есть практически там же, где располагались феодальные княжества в XIV—XV веках. Междуречья и здесь в рассматриваемое время оставались неосвоенными⁵⁷.

Совершенно иначе выглядела южная половина края. Притоки Волги, берущие здесь свое начало, имеют ключевое происхождение, а болота и озера рассредоточиваются в обсыхающих местах. Хвойные леса с сопутствующими им глинистыми почвами занимают сравнительно большие площади лишь на северо-западе края. Вся остальная территория занята в основном дерновато-подзолистыми почвами, чередующимися с островами темноцветных и темно-серых почв, которые Г. И. Танфильев охарактеризовал как «чисто степные» ополья, расположенные в зоне смешанных лесов⁵⁸. В этих условиях возможно было появление не одного или двух, а нескольких равновеликих очагов сгущения населения. Политическое преобладание «старейшего» очага сгущения населения и его центра-сюзерена над «новыми» в этих условиях не могло быть устойчивым. «Испромышденце», или истощение, природных богатств таких «ополий», перегруппировка политических союзов и внешнеполитические катастрофы не могли не влиять на их феодальное развитие, усиливая существующую путаницу и неустойчивость этнических и вассально-политических связей.

Летописные источники уже в XI—XII вв. позволяют проследить подъем этих «новых» очагов сгущения населения у Плещеева озера, на Белеховом, Юрьевом, Ходынском и Угличе полях. В их политических центрах — Переяславле, Владимире, Юрьеве Польском, Угличе, Ярославле — концентрировалось местное боярство, которое отличалось от «старейшего» не столько размерами своих вотчин, сколько «вторичным», «мезинным» статусом происхождения да структурой землевладения, которое, по-видимому, не выходило за «свою» волость. Рост феодальной экономики уже в половине XII в. настолько усиливает значение этого «мезинного» боярства, что оно практически берет под контроль всю внутреннюю жизнь своих волостей и вступает в борьбу со «старейшим» центром, стремясь политически обособиться, обзавестись своей «правдой» и «своим князем» как символом отвоеванных иммунитетных прав. Феодализм вступал тогда в зрелую стадию и на русском Северо-Востоке. Постепенно выравнивались темпы социально-экономического развития различных его районов и созрели предпосылки для более прочного объединения в будущем отдельных обособленных «волостей»⁵⁹.

⁵⁵ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. В кн.: С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 357.

⁵⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁷ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Антропогеография Центральной промышленной области, стр. 12—18; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962, стр. 179—227.

⁵⁸ Г. И. Танфильев. Доисторические степи Европейской России. «Землеведение», 1896, кн. II; его же. О владимирском черноземе. «Труды Императорского вольного экономического общества» № 1, 1896; В. В. Докучаев. Русский чернозем. М. 1952; А. Н. Тюрюканов, Т. Л. Быстрицкая. Указ. соч., стр. 192—206.

⁵⁹ Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. «История культуры древней Руси». М. 1948, стр. 363; Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской

Само дробление внутри земель шло путем усложнения вассальной иерархии, сопровождалось борьбой группировок внутри городов и между ними, делая их самостоятельность относительной даже тогда, когда речь шла о городах-«сюзеренах». Эта перегруппировка социальных сил позволяла «старейшим» князьям при необходимости опираться не только на «старейшее» боярство, но и на «всех бояр с городов и с волостей», а также на «игумены и попы, и купце, и дворяны, и вси люди»⁶⁰. К этому располагали и естественногеографические предпосылки: сравнительно близкое расположение высокоразвитых очагов сгущения населения и наличие условий для разрастания «слободами» и «починками» по основному пространству Волго-Клязьминского междуречья не могли не вести к важным качественным переменам — определенной этнической и культурной нивелировке его населения и образованию на этой основе того политического и этнического ядра, которое вместе с другими факторами положило основу единому Русскому государству. Процесс кристаллизации такого ядра определился здесь уже в домонгольскую пору, но более полно проследить динамику его развития не удается: в 1237 г. Русь подверглась монголо-татарскому нашествию, осложнившему нормальный ход ее исторического развития⁶¹.

Вторжения монголо-татарских полчищ в наиболее культурные и населенные области русского Северо-Востока привели к их запустению и вынужденному отливу населения в хорошо защищенные лесными массивами западные районы. На этой основе на рубеже XIII—XIV вв. определился подъем великих княжеств Тверского и Московского. Среди причин, оказавших решающее влияние на преобладание «Московии», значительная роль должна быть отведена географическому фактору.

Почвенно-климатические условия Тверского края едва ли можно считать вполне благоприятными. Здесь располагались самые худшие во всем Волго-Клязьминском междуречье, тяжелые для обработки глинистые почвы или боровые пески, лишь кое-где пересеченные островами мягких дерноватых суглинков с плодородным слоем толщиной не более двух вершков. Но и их обработка была не везде возможной: этот незначительный плодородный слой покоится на глинах или перемешан с крупными и мелкими валунами⁶². Сравнительно плодородные иловатые острова земли лежат здесь большей частью по берегам Волги, близ устьев ее притоков — Тверцы, Медведицы, Сози, Дубны, Нерли и пр. Здесь же происходило традиционное оседание населения. Это заметно как по концентрации поселений и курганных могильников в X—XIII вв., так и по переписным книгам более позднего времени⁶³. В силу этого волости и княжества Тверской земли были в такой же мере территориями приречных террас и пойм, как и другие земли Поволжья, и за пределы этих опольных островов своими «починками» не выходили. И по тем же причинам здесь невозможно было образование сплошного массива оседлости. В Российском атласе 1745 г. этот край обозначен сплошным лесом со сгустками селений у устьев Кашинки, Нерли, Медведицы, Тверцы и пр., что же касается более отдаленного времени, то большинство располагавшихся здесь удельных княжеств было очень слабо заселено и покрыто сплошными лесами⁶⁴.

народности до конца XV в. «Вопросы формирования русской народности и нации». М.-Л. 1958, стр. 77—105.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXV, стр. 108; т. X, стр. 63—64.

⁶¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 780—781, 839; А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М. 1940, стр. 4—8, 37—38.

⁶² В. С. Борзакровский. История Тверского княжества. СПб. 1876, стр. 8—10; И. И. Лаппо. Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения. М. 1894, стр. 22—23; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 179—180.

⁶³ А. В. Успенская, М. В. Фехнер. Указ. карта.

⁶⁴ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 83—84.

К концу XV в. (время образования единого Русского государства) большинство удельных центров Тверской земли так и не вышло за пределы крепостей, поставленных для «бережения» «тверского рубежа» и сбора «мыта»⁶⁵. Неблагоприятные почвенно-климатические условия, а еще более риск подвергнуться разорению отбивали у крестьян и у крупных землевладельцев охоту осваивать эти земли⁶⁶. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что географическое положение Тверского княжества не позволяло его правителям расширять границы своих владений за счет других земель: объекты возможных «прыжков» отделялись от «тверского рубежа» сотнями километров непроходимых лесов и болот, да и те к моменту подъема «старой Твери» были уже в сфере влияния Новгорода Великого, Литвы и Москвы.

В этом отношении в иной ситуации находилась «Московья». Ее территория, как пишет С. Герберштейн, не отличалась особым плодородием в сравнении с переяславскими или владимирскими черноземами, но все же была более удобной для земледелия в своей массе, чем тверская. Тяжелые глинистые почвы уступают здесь место среднесуглинистым почвам, чередующимся с островами иловатых и супесчаных «полей». На юге суглинок сменяют песчаные почвы и довольно обширные массивы темно-каштановых черноземов, занимающих особенно значительные пространства в княжествах Серпуховском, Коломенском, Бронницком и др.⁶⁷ По этим и другим причинам территория «Москови» уже в домонгольскую пору была сравнительно густонаселенной. Этому способствовали и внешнеполитические обстоятельства: здесь в XI—XII вв. проходили два основных потока славянских колонистов — кривичей и вятичей, — что оказало соответствующее влияние на оседание и скопление населения в рассматриваемом районе⁶⁸. Особенно плотно уставлен селищами, судя по археологическому материалу, треугольник, ограниченный притоками Москвы — Пахрой, Истрой и Восточной. На этой территории располагались «красные села» Кучковичей и замок самого Юрия Долгорукого. Позднее на этой же территории концентрируются наиболее богатые вотчины древнейших родов великокняжеского боярства — Свибловых, Воронцовых, Вельяминовых, Зерновых и др.⁶⁹.

Значение «Москови» и ее политического центра особенно поднялось в последней четверти XIII в., когда в «старых» землях русского Северо-Востока сложились почти невозможные условия для нормальной жизни из-за повторявшихся «нахождений» татар. Земледельческое и военно-служилое население отливает в западные волости, хорошо закрытые от набегов «сыроядцев» массивами «дикого леса». Подобная концентрация земледельческого и военно-служилого населения не могла оказать влияния на соседние, менее населенные земли⁷⁰. Сосед-

⁶⁵ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА) № 105, 1961, стр. 188—191; А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М. 1959, стр. 121—122.

⁶⁶ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 83—85, 95—96.

⁶⁷ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 97—98, 102; А. П. Людоговский. Материалы для сельскохозяйственного описания Московской губернии. М. 1864; «Калужская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба». Ч. I—II. СПб. 1860; «Почвенная карта Европейской России с объяснительным текстом». СПб. 1879.

⁶⁸ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва. М. 1967, стр. 29—30; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. № 94, 1961, врезка к карте № 4.

⁶⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. 1969, стр. 465—520.

⁷⁰ М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 32—47.

ние с «Московью» районы не отличались ни организованностью военно-служилого сословия, ни, судя по более поздним данным, зрелостью феодальной экономики, что позволяло московским князьям «примысливать» их без особенных осложнений и расширять незаметно, «в тиши», территорию своего княжества. Этому способствовали и внешнеполитические обстоятельства: «Московь» и соседние с ней земли оставались пока вне сферы влияния сильных противников. «Примысливая» соседние земли, московские князья строят здесь мощные крепости, под защитой которых проходит дальнейшее освоение примыкающих к ним территорий. Быстрый рост их центров от небольших «сел» до значительных феодальных городов прослеживается по источникам иногда на протяжении одного поколения князей. Их подъему в немалой степени способствовал и массовый своз земледельческого населения из других княжеств. Во второй половине XIV в. по этим новым образованиям прослеживается и обособление местного боярства, монастырской братии и более мелких землевладельцев. Связь этого обособления с хозяйственным подъемом присоединенных земель и дальнейшим ростом феодальной экономики несомненна. Рост их числа являлся не простым измелечением Московского княжества, а возникновением самостоятельных и полусамостоятельных государств⁷¹.

Так создавались хозяйственные и политические предпосылки для образования политического средоточия будущего единого Русского государства. Значительную роль сыграло при этом слияние московской вотчины Даниловичей с «великим княжением Владимирским». С последним под контроль московских князей перешел целый комплекс крупных и ценных территорий, ставших источником больших военных и финансовых средств⁷². И те же материальные условия, которые на Западе позволили французским королям возвыситься над графами и баронами, выдвинули и поставили над разрозненной княжеско-боярской средой московских великих князей.

Признавая первостепенную важность экономических, классовых и внешнеполитических факторов для развития земель и княжеств средневековой Руси, не следует, однако, упускать из виду и влияние природных условий, которое заметно ощущалось в жизни отдельных ее гидрографически обособленных и естественно изолированных регионов. Судьбы их исторического развития складывались по-разному, но до конца XV в. они оставались этнически неоднородными и политически разобщенными. Это создавало известные трудности для образования сплошных заселенных территорий и сказывалось как на территориальном делении таких регионов на княжества и волости, так и на кристаллизации их этнических и культурно-хозяйственных средоточий, определявших в условиях чрезвычайной неустойчивости хозяйственных и вассально-политических связей природу последующего развития сил и тенденций политического единства. Влияние географической среды ощутимо сказывалось и на хозяйственной деятельности. Располагая незначительными хозяйственными и техническими средствами, славянские земледельцы, рыбаки, бобровники, бортники и пр. вынуждены были расселяться в зависимости от распределения соответствующих угодий, занимая прежде всего те территории, которые легче поддавались хозяйственному освоению. Это еще больше разобщало население даже внутри географически компактных районов.

⁷¹ А. М. Сахаров. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М. 1969, стр. 45.

⁷² См. «Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 г.». Владимир. 1906; М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 2, 47—80.